

Научная статья | Original paper

Взаимосвязь академического киберлаффинга и кибербуллинга

Сиврикова Н.В.

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: Bobronv@cspu.ru

Пташко Т.Г.

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0235-4190>, e-mail: ptashko75@mail.ru

Перебейнос А.Е.

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3269-0440>, e-mail: perebeinosae@cspu.ru

Представлены результаты исследования взаимосвязей между двумя формами девиантного поведения, связанными с использованием виртуального пространства: киберлаффинг и кибербуллинг. Отмечается, что особенностью данного исследования является рассмотрение изучаемых явлений в контексте образования. В статье использованы эмпирические данные, полученные в ходе опроса школьников (128 человек в возрасте 14—18 лет) и студентов (216 человек в возрасте 17—22 лет). В качестве инструментов исследования выступали: шкала киберлаффинга (в адаптации Н.В. Сивриковой) и опросник школьного буллинга (М.А. Новикова, А.А. Реан, И.А. Коновалов). Результаты исследования позволили авторам сделать вывод о том, что факторами интернет-девиаций (киберлаффинга и кибербуллинга) являются: степень образования, пол и запрет на использование телефонов в образовательном учреждении. Также обращается внимание на то, что в ходе исследования было установлено: между академическим киберлаффингом и вовлеченностью в кибербуллинг существует слабая корреляция. При этом игровой киберлаффинг оказался связан только с вовлеченностью обучающегося в роль свидетеля кибербуллинга. Остальные типы киберлаффинга оказались связаны со степенью вовлеченности в кибербуллинг в каждой из трех (жертва, агрессор, свидетель) исследуемых ролей. По мнению авторов, модель проблемного использования информационных технологий, предложенная Ф. Джабин, А. Тандон и соавторами, позволяет объяснить обнаруженные связи как цепь реакций на ситуацию скуки на уроке.

Ключевые слова: киберлаффинг; кибербуллинг; медиапотребление; интернет-девиации; интернет-злоупотребления; цифровые технологии в образовании; гаджеты.

© Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебейнос А.Е., 2025

CC BY-NC

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Мордовского государственного педагогического института в рамках научного проекта «Девиантное поведение в виртуальном пространстве: изучение взаимосвязи киберлафнга и кибербуллинга», заявка от 31.05.2024 № МК-40-2024

Для цитаты: Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебийнос А.Е. Взаимосвязь академического киберлафнга и кибербуллинга // Психологическая наука и образование. 2025. Том 30. № 1. С. 140—157. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2025300111>

Correlation of Academic Cyberloafing and Cyberbullying

Nadezhda V. Sivrikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: Bobronv@cspu.ru

Tatyana G. Ptashko

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0235-4190>, e-mail: ptashko75@mail.ru

Artem E. Perebeinos

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3269-0440>, e-mail: perebeinosae@cspu.ru

The article presents the results of a study examining the correlation between two forms of deviant behavior associated with the use of virtual space: Cyberloafing and cyberbullying. This phenomena was considered within the educational context. The research is based on empirical data collected from schoolchildren and students in Chelyabinsk. 128 schoolchildren aged 14 to 18 years and 216 students aged 17 to 22 years were recruited for this study. The study methods were an Adapted Cyberloafing Scale (developed by N.V. Sivrikova), and a School Bullying Questionnaire (designed by M.A. Novikova, A.A. Rean, and I.A. Konovalov). The results of the study showed, that among the factors causing Internet-related deviations (cyberloafing and cyberbullying) are the level of education, gender, and restrictions on the use of phones within educational institutions. The research established a link between the structures of cyberbullying and cyberloafing. Game-related cyberloafing was found to be associated only with the role of a witness. In contrast, other types of cyberloafing showed a correlation with the degree of involvement in all three roles examined in cyberbullying: victim, aggressor, and witness. Overall, the findings partially validate the model of problematic information technology use proposed by F. Jabeen, A. Tandon, and others.

Keywords: cyberloafing; cyberbullying; media consumption; internet deviation; internet abuse; digital technologies in education; gadgets.

Funding. The study was carried out with the financial support of the Mordovian State Pedagogical Institute within the framework of the scientific project “Deviant behavior in virtual space: studying the relationship between cyberloafing and cyberbullying”, application No. МК-40-2024 dated 05/31/2024

For citation: Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Perebeinos A.E. Correlation of Academic Cyberloafing and Cyberbullying. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education* 2025. Vol 30. No. 1. C. 140—157. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2025300111> (In Russ.).

Введение

Используют ли учащиеся во время занятий телефоны в личных целях? Как на это использование повлияли изменения, внесенные в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»? Связан ли киберлаффнг с другими видами интернет-девиаций? Это важные вопросы для современной системы образования, активно развивающей цифровую образовательную и воспитательную среду. Ответы на них позволят правильно оценивать потенциал и риски, которые влечет за собой внедрение цифровых коммуникативных технологий в жизнь человека.

Современный мир трудно представить без информационных технологий, которые уже пронизывают жизнь каждого поколения, особенно детей и молодежи [7; 21]. Свою нишу технологии заняли и в образовательном пространстве. Однако возникает вопрос о том, для чего и как обучающиеся их используют. Исследования показали, что использование гаджетов может быть связано с риском формирования девиаций [98], связанных с использованием виртуального пространства: киберлаффнг и кибербуллинг. В настоящее время описана структура каждого из них [2; 9]. Получены данные из разных стран о распространенности киберлаффнга [7; 26] и кибербуллинга [11; 12] в разных возрастных группах. Однако до сих пор не поднимался вопрос о том, существует ли между этими формами девиаций взаимосвязь.

В этой статье мы обсудим распространенность киберлаффнга и кибербуллинга

среди российских школьников и студентов в условиях внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹. Последние приводят к тому, что киберлаффнг как форма девиантного поведения меняет свой статус, т.к. теперь может быть отнесена к делинквентному поведению. Также мы проанализируем взаимосвязи между структурой киберлаффнга и кибербуллинга, что имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Напомним, что киберлаффнг представляет собой использование цифровых устройств во время работы/учебы для решения не связанных с данной работой/учебой задач. Он имеет многообразные формы проявления. Например, в зависимости от сферы, в которой он реализуется, выделяют бизнес-киберлаффнг, академический киберлаффнг и фаббинг [1]. Первый представляет собой поведение человека на рабочем месте, второй — на учебных занятиях с преподавателем, третий — в межличностных отношениях. Распространение академического киберлаффнга связано с цифровизацией образования [20].

Австралийский исследователь S. Nawaz подчеркивает, что в современных реалиях важно дифференцировать эффективное, неэффективное и проблемное использование смартфонов [18]. На наш взгляд, подобная дифференциация в контексте изучения киберлаффнга отражается в дискуссии о том, является ли киберлаффнг формой девиантного или проактивного поведения [5].

¹ Федеральным законом от 19.12.2023 № 618-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающие обязанность учащихся не использовать средства подвижной радиотелефонной связи во время проведения учебных занятий при освоении образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования. Использовать средства связи во время проведения учебных занятий допускается только в случае возникновения угрозы жизни или здоровью обучающихся, работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, иных экстренных случаях. Федеральный закон вступил в силу с 19.12.2023.

Рассматривая киберлаффнг как форму девиантного поведения, исследователи говорят о нем как о поведении, в основе которого лежит зависимость от телефона или киберзависимость (проблемное использование смартфона в терминологии S. Nawaz [18]). Кроме того, есть веские основания рассматривать киберлаффнг как форму делинквентного поведения (неэффективное использование смартфона в терминологии S. Nawaz [18]). Ряд ученых рассматривают киберлаффнг как защитную реакцию в ситуации стресса [15] или «несправедливости» по отношению к себе [22].

Важным аспектом изучения киберлаффнга являются знания о его структуре [6], представляющей собой перечень видов поведения, выделяемых на основе содержания действий пользователя в Сети. Двухфакторная модель киберлаффнга (V.K.G. Lim) включает следующие виды поведения: сёрффнг в Интернете и использование электронной почты. Трехфакторную модель видов киберлаффнга предложили M.H. Baturay и S. Toker. Они разделяют киберлаффнг, связанный с личными делами, изучением новостей и социализацией. Четыре вида киберлаффнгового поведения рассматриваются в модели, предложенной S. Yasar: индивидуальный, социальный, поисковый, новостной. Турецкие исследователи предложили пятифакторную модель киберлаффнга: взаимодействие, покупки, присутствие в Сети, использование онлайн-контента и игры [6].

Использование виртуального пространства связано не только с риском формирования зависимого поведения, но и девиаций, связанных с агрессией. В последнее время отмечается рост буллинга в киберпространстве — кибербуллинга [4]. Данным термином обозначается умышленное действие или совокупность действий, направленных на психологическое подавление жертвы, причинение ей нравственных страданий, осуществляемых посредством электронных средств связи [10]. К традиционным критериям, по которым ситуацию относят к буллингу (преднамеренность, повторяемость, дисбаланс

сил), в случае кибербуллинга добавляется еще один критерий — публичность. Поэтому мы рассматриваем кибербуллинг как феномен группового действия, т.е. явление, которое возникает и развивается в группе. От конфликта кибербуллинг отличается регулярностью насилия в отношении одного лица со стороны группы, которая имеет свою собственную историю и динамику развития [3]. Исследователи отмечают, что жертвой кибербуллинга может являться не один человек, а несколько.

Важным является вопрос о ролевой структуре кибербуллинга. Самая простая модель ролевой структуры кибербуллинга предполагает наличие в ситуации травли жертвы, агрессора и свидетелей [2; 3]. На более сложная модель ролевой структуры кибербуллинга включает в себя следующие роли: жертва, агрессор, защитники жертвы, помощники агрессора и пассивные наблюдатели [6]. Один и тот же человек в разные временные периоды может выступать в разных ролях. В одной ситуации может быть агрессором, в другой — жертвой или помощником агрессора. Г.У. Солдатова в подтверждение этой идеи показала, что личностные профили жертв и агрессоров кибербуллинга имеют общие черты [10].

Применяя модель проблемного использования информационных технологий «ситуация — организм — поведение — последствия» (СОПД), предложенную исследователями из ОАЭ [13], можно выстроить следующую цепочку: если учащемуся во время занятия становится скучно, то у него актуализируются соответствующие потребности (в самореализации, общении, развлечении и т.д.), которые в современном мире можно удовлетворить с помощью телефона. Поэтому он начинает использовать смартфон во время урока для общения в Сети или поиска интересной информации (киберлаффнг). Это порождает риск перегрузки (информационной и/или коммуникационной). На ее фоне формируются деструктивные формы поведения, примером которых является кибербуллинг. Поэтому можно предположить, что

между кибербуллингом и киберлаффингом существует взаимосвязь.

Таким образом, вопросы киберлаффинга и кибербуллинга находятся в фокусе интересов ученых всего мира. Однако до сих пор не изучался вопрос о том, существует ли между ними связь. Поэтому нами были сформулированы следующие гипотезы исследования:

1. Уровень киберлаффинга зависит от пола, уровня обучения и запрета на использование телефонов в образовательном учреждении.

2. Вовлеченность в кибербуллинг зависит от пола и уровня обучения.

3. Между вовлеченностью в кибербуллинг и уровнем киберлаффинга существует взаимосвязь.

Организация и методы исследования

Выборка исследования. Исследование проводилось на базе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЮУрГГПУ, г. Челябинск). Всего было опрошено 344 человека. Возраст респондентов варьировался от 14 до 22 лет. 128 человек из числа опрошенных были школьниками в возрасте 14—18 лет (учащиеся общеобразовательных школ г. Челябинска — 7—11 классы). Из них 48% мужского пола и 52% женского. 216 человек являлись студентами в возрасте 17-22 лет (ЮУрГГПУ — 1—4 курсы). Из них 43% мужского пола и 57% женского пола.

База данных, на основе которой проводилось исследование, зарегистрирована в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024625767) [8].

Методы исследования

Применялись следующие методы сбора данных: шкала киберлаффинга (адаптация Н.В. Сивриковой [7]); опросник школьного буллинга М.А. Новиковой и др. [2] (в исследовании использовалась только шкала кибербуллинга). Авторы методик не приводят нормативные значения по ним, анализируя только частоту встречаемости тех или иных

ответов на вопросы методик, объясняя это тем, что представление вовлеченности респондентов в травлю в виде процентных долей позволяет сравнивать результаты различных исследований, поскольку совпадает с формой описания данной категории в литературе [2]. Полные тексты методик представлены в работах авторов [2; 7].

Дополнительно в текст опросника были включены вопросы о поле, возрасте и уровне обучения респондентов. Исследование проходило в онлайн-формате. Было собрано 368 заполненных анкет, из которых 344 оказались валидными и были использованы в дальнейшей работе. 24 анкеты были исключены из анализа, т.к. в них респонденты ответили не на все поставленные вопросы.

В связи с вступлением в действие с января 2024 года новых поправок в закон об образовании в рамках опроса участникам задавался вопрос: существует ли в вашей/вашем школе/университете правило о том, что телефонами нельзя пользоваться во время учебных занятий?

С целью корректного подбора методов математического анализа данных были оценены параметры распределения исследуемых признаков в выборочной совокупности. В табл. 1 приведены значения по всей выборке.

Характеристики эмпирического распределения исследуемых переменных по всей выборке отличаются от характеристик нормального распределения (в частности, значения асимметрии и эксцесса выходят за рамки диапазона от -1 до 1 , а вероятность ошибки первого рода по Колмогорову-Смирнову составляет $p < 0,001$). Подобная картина сохраняется и при анализе подгрупп студентов и школьников.

Поэтому для выявления взаимосвязей между исследуемыми переменными использовались непараметрические методы: корреляционный анализ по Спирмену и H -критерий Краскела-Уоллиса, точный критерий Фишера. Также в ходе исследования мы использовали CHAID-анализ. Вычисления проводились в программе IBM SPSS Statistics 23.

Таблица 1

**Статистические характеристики распределения исследуемых признаков
 в эмпирической выборке²**

Исследуемые параметры	Критерий Колмогорова-Смирнова	p	M	SD	Асимметрия	Экссесс
Структура киберлафинга						
общение	0,143	0,0001	1,9	0,88	1,2	1,5
интернет-покупки	0,19	0,0001	1,7	0,81	1,3	1,6
контент	0,18	0,0001	2,0	0,98	1,0	0,1
игры	0,22	0,0001	1,7	0,88	1,4	1,21
соц. сети	0,17	0,0001	1,8	0,88	1,3	1,58
киберлафинг	0,14	0,0001	1,8	0,78	1,2	1,5
Структура кибербуллинга						
роль жертвы	0,43	0,0001	1,15	0,38	3,6	15,7
роль агрессора	0,43	0,0001	1,13	0,33	3,4	13,8
роль свидетеля	0,43	0,0001	1,15	0,31	2,4	5,3

Результаты исследования

Результаты опроса показали, что в исследуемой выборке уровень киберлафинга достаточно низкий (рис. 1).

Согласно средним значениям по группе к киберлафингу участники исследования прибегают редко (M=2). При этом структура киберлафинга имеет свои особенности в зависимости от пола и уровня обучения, а уровень киберлафинга — от наличия в образовательном учреждении запрета на использование телефона.

В частности, в структуре киберлафинга у участников исследования женского пола во время учебных занятий игровой киберлафинг является самым редким, а к самым частым формам киберлафинга относятся общение, использование контента и социальных сетей. В структуре киберлафинга у мальчиков доминирует использование на учебных занятиях интернет-контента и общение. Менее выраженными формами киберлафинга у мальчиков являются интернет-покупки. Различия обнаружены в уровне киберлафинга у мальчиков и девочек (N=5,82; p=0,016).

У студентов преобладающими являются такие виды киберлафинга, как общение, использование контента и социальных сетей. Реже всего среди них встречается игровой киберлафинг. У школьников к наиболее часто встречающимся видам киберлафинга относятся общение и использование интернет-контента. Менее всего на уроках они склонны использовать социальные сети и играть. Согласно N-критерию между школьниками и студентами существуют различия в уровне киберлафинга (N=9,36; p=0,002).

В данном исследовании школьникам и студентам задавался вопрос о том, существует ли запрет на использование гаджетов на занятиях в их учебных заведениях (рис. 2).

89% школьников учатся в условиях запрета использования смартфонов на уроках. Среди студентов доля таких учащихся составила 23,6%. Нет подобного запрета у 53,7% студентов, принимавших участие в исследовании, и 4,7% школьников, принимавших участие в исследовании.

Оказалось, что 48% респондентов проходят обучение в образовательных органи-

² Авторы методик не приводят в своих работах стандартных норм, поэтому нет возможности провести сравнение с ними.

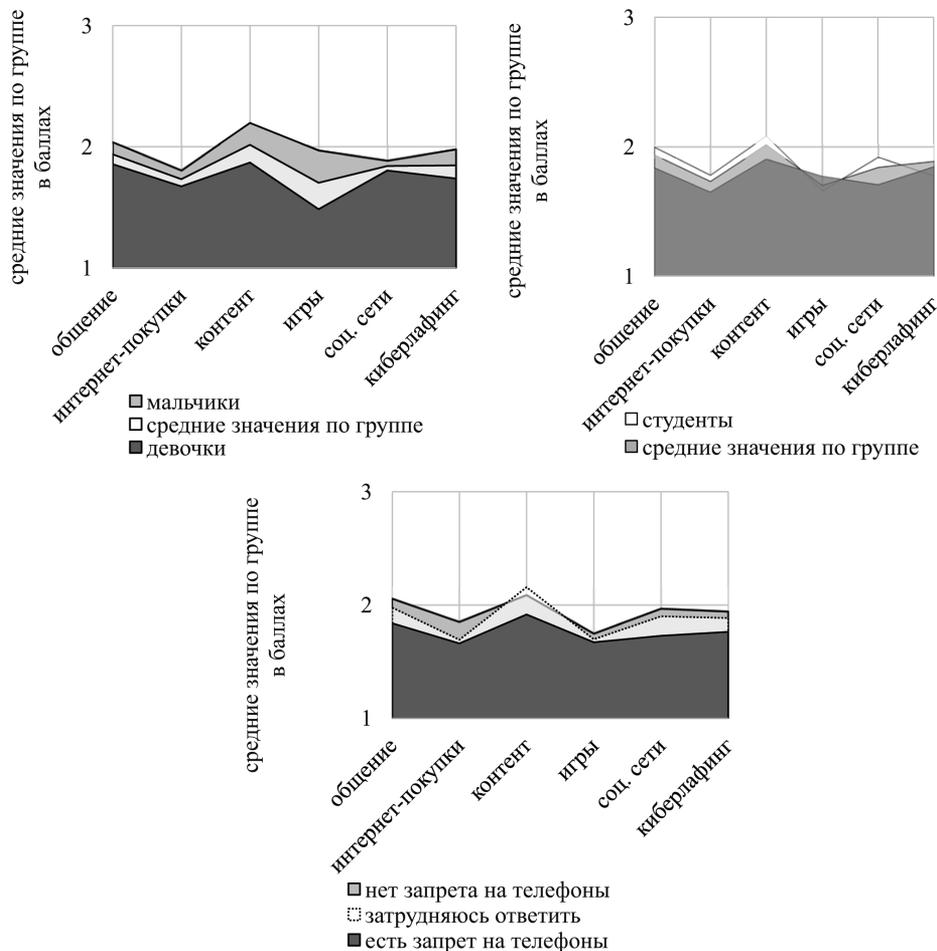

Рис. 1. Виды и уровень киберлаффинга

зациях, где действует запрет на использование телефона во время учебных занятий, а 35,4% учатся без подобного запрета. 16,6% респондентов затрудняются дать ответ на данный вопрос.

Учащиеся, которые знают о запрете на использование телефонов во время учебных занятий, ожидаемо реже это делают, чем учащиеся, которые о таком запрете не знают или сомневаются в его наличии ($N=10,16$; $p=0,006$). Однако, как показали результаты исследования, независимо от наличия/от-

сутствия запретительных мер и школьники, и студенты используют телефоны в личных целях на учебных занятиях (рис. 1).

Полученные данные указывают на то, что пол, уровень обучения и запрет на использование телефонов в образовательном учреждении влияют на уровень киберлаффинга. Поэтому мы использовали CHAID-анализ для изучения влияния этих факторов на уровень академического киберлаффинга (рис. 3).

На уровень киберлаффинга в первую очередь оказывает влияние ступень об-

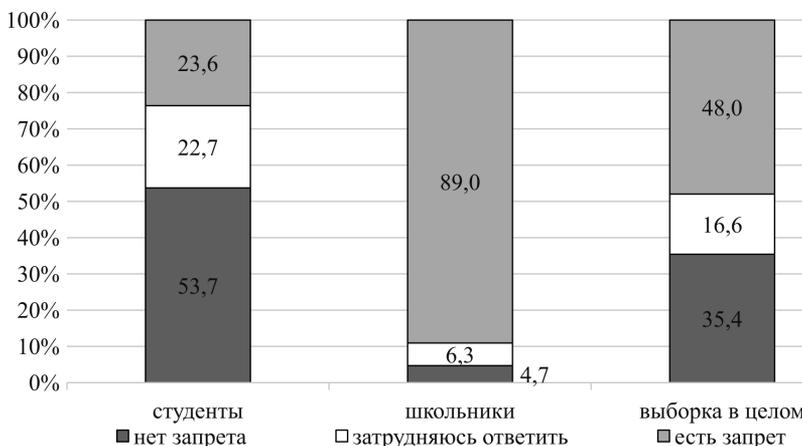

Рис. 2. Распространение запрета на использование телефонов во время учебных занятий

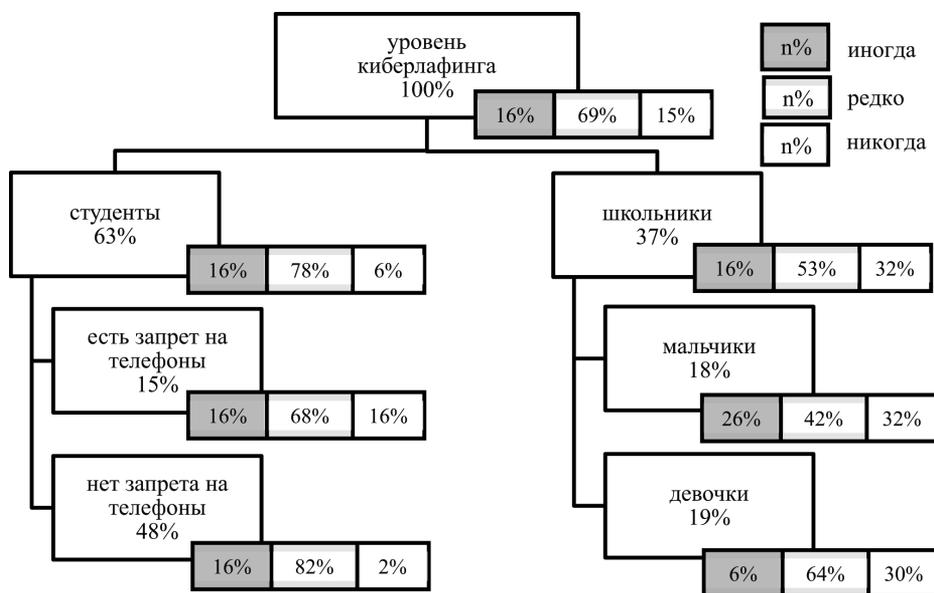

Рис. 3. Выраженность уровня киберлаффнга в зависимости от пола, уровня обучения и запрета на использование телефона в образовательном учреждении

разования. Доля школьников, которые никогда не используют телефон на уроке, выше среди школьников (32%), чем среди студентов (6%). Различия достоверны при $p \leq 0,0001$ ($\chi^2_{эмп} = 42,48$; ст.св.=2). Для школьников фактором второго порядка, влияю-

щим на уровень киберлаффнга, оказался пол: среди мальчиков доля, использующих телефон на учебных занятиях в личных целях, оказалась выше (26%), чем среди девочек (6%). Различия достоверны при $p \leq 0,01$ ($\chi^2_{эмп} = 10,85$; ст.св.=2). Для студен-

тов фактором второго порядка, влияющим на уровень киберлаффинга, оказался запрет на использование телефона в учебном заведении: среди студентов, для которых такого запрета нет, доля учащихся, не использующих смартфон на занятии в личных целях, оказалась самой маленькой (по сравнению с другими сегментами выборки) — 2%. Среди студентов, которые знают о запрете на использование телефона на учебных занятиях, доля аналогичных лиц составила 16% ($\chi^2_{\text{эмп}}=42,48$; ст.св.=2; $p \leq 0,01$).

В табл. 2 представлены результаты анализа вовлеченности учащихся в кибербуллинг. Поскольку предварительный анализ данных с помощью точного критерия Фишера позволил опровергнуть гипотезу о различиях в распределении среди студентов и школьников людей, вовлеченных в кибербуллинг, в роли жертвы ($\Phi_i=0,092$; $p=0,223$), агрессора ($\Phi_i=1,19$; $p=0,552$) или свидетеля ($\Phi_i=3,44$; $p=0,18$), в таблице представлены данные по всей выборке. Подавляющее большинство (порядка 75%) опрошенных оказались не вовлечены в кибербуллинг. Около 20% сталкиваются с данным явлением лично 1—2 раза в месяц. Около 2% учащихся сталкиваются с кибербуллингом более 3-х раз в месяц в роли жертвы и/или агрессора. Девочки реже, чем мальчики, становятся свидетелями кибербуллинга ($U=12888$; $p=0,013$). В ходе исследования различия в структуре кибербуллинга у школьников и студентов обнаружены не были.

Следует отметить, что в исследуемой выборке оказалось очень мало людей, которые бы были вовлечены в кибербуллинг только в одной роли. Так, количество жертв, которые не были бы свидетелями кибербуллинга и кибербуллерами ни разу за последний месяц, оказалось всего 28 (8,8%) человек. Число «чистых» агрессоров оказалось еще меньше — 12 человек (3,8%). Все остальные участники исследования, которые были вовлечены в кибербуллинг за последний месяц 1 раз или более, выступали в этих ситуациях в разных ролях.

Корреляционный анализ данных показал, что уровень киберлаффинга коррелирует с вовлеченностью в кибербуллинг в любой роли. Прямые связи обнаружались между всеми формами киберлаффинга, рассматриваемыми в исследовании, и вовлеченностью в кибербуллинг в различных ролях (рис. 4).

Исключение составил игровой киберлаффинг, который оказался связан только с вовлеченностью в кибербуллинг в роли свидетеля ($r_s=0,11$; $p=0,05$). Запрет на использование телефона в образовательном учреждении коррелирует с вовлеченностью в кибербуллинг в роли агрессора ($r_s=-0,11$; $p=0,05$). Причем эта связь носит обратный характер.

Между уровнем киберлаффинга и вовлеченностью в кибербуллинг в роли жертвы ($r_s=0,207$; $p=0,0002$), в роли агрессора ($r_s=0,206$; $p=0,0002$) и в роли свидетеля ($r_s=0,187$; $p=0,001$) существуют слабые прямые корреляции. Следует отметить, что все обнаруженные связи оказались слабыми ($0 < r_s < 0,3$).

Таблица 2

Вовлеченность учащихся в кибербуллинг

Показатели вовлеченности		Ни разу за месяц	1—2 раза за месяц	3 и более раз за месяц
роль жертвы	Кол-во человек	268	68	8
	%	77,9	19,8	2,3
роль агрессора	Кол-во человек	266	71	7
	%	77,3	20,6	2,0
роль свидетеля	Кол-во человек	256	86	2
	%	74,4	25,0	0,6

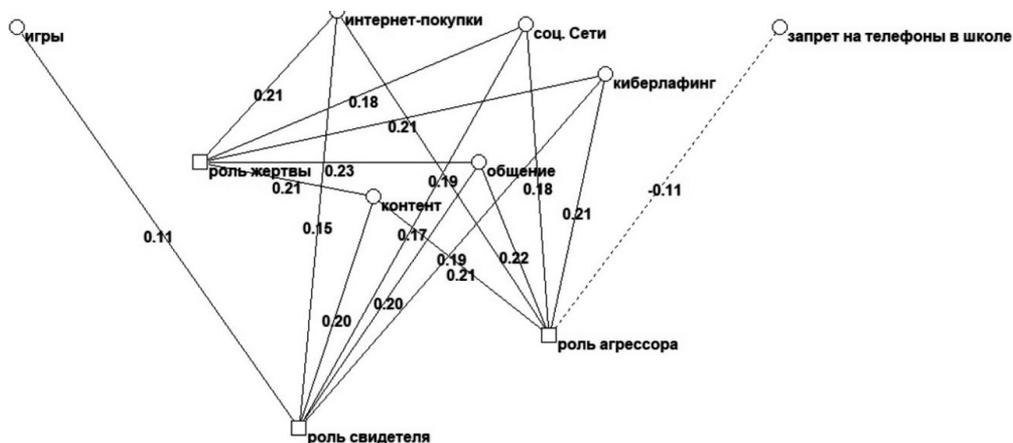

Рис. 4. Связь вовлеченности в кибербуллинг с киберлаффингом

Обсуждение результатов

Важным аспектом изучения девиантного поведения является анализ его распространения в обществе. Результаты текущего исследования показали, что в России уровень распространения киберлаффинга остается низким ($M=2$ по сравнению, например, с $M=3,8$ — у студентов в Израиле [26]). Однако, учитывая изменения, внесенные в закон об образовании в декабре 2023 года, можно было предполагать, что подобное явление в школе будет исключено. Вместе с тем это оказалось не так. Несмотря на существующие запреты, школьники пользуются телефонами во время уроков. Вместе с тем вводимые запреты оказывают влияние на уровень академического киберлаффинга, не сводя его при этом к минимуму. В частности, если учащиеся знают о наличии в образовательном учреждении запрета на использование телефона во время учебных занятий, то они будут использовать его реже. Результаты подтверждают обнаруженные ранее различия в уровне киберлаффинга между учащимися разного пола и уровня образования [10]. Важным дополнением к уже имеющимся данным оказался установленный в ходе исследования факт, что уровень киберлаффинга у студентов прежде всего зависит от наличия запрета на использование

телефонов в учебном заведении, а у школьников — от их пола.

В структуре киберлаффинга у учащихся преобладающими являются такие формы, как потребление интернет-контента ($M=2,0$), общение ($M=1,9$) и социальные сети ($M=1,8$). Реже всего среди них встречаются игровой киберлаффинг ($M=1,7$) и интернет-покупки ($M=1,7$).

Психологическая интерпретация выявленных фактов об уровне киберлаффинга среди учащихся подчеркивает значимость интернет-контента и общения как основных источников удовлетворения потребностей респондентов. Относительно высокий индекс потребления интернет-контента ($M=2,0$) во время учебных занятий указывает на стремление участников исследования к отвлечению с помощью развлекательных ресурсов. Это свидетельствует о том, что обучающиеся активно ищут и потребляют разнообразный контент (видео, аудио, текст, мемы и т.д.), и подчеркивает их желание быть вовлеченными в современные тренды. Общение и использование социальных сетей дополнительно акцентируют значимость социальных связей в жизни участников исследования. Социальные сети становятся пространством, где формируются идентичности, открываются возможности для обмена мнениями и поиска поддержки в сложных ситуациях. Сравнительно низкие показатели

игрового киберлафинга ($M=1,7$) и интернет-покупок ($M=1,7$) могут указывать на то, что учащиеся меньше ориентированы на индивидуальные развлечения и потребительские практики, предпочитая коллективные формы взаимодействия, которые способствуют укреплению социальных связей и развитию социокультурных навыков в цифровой среде.

Образование определяет навыки пользователя в онлайн-среде и его восприятие, что объясняет взаимосвязь его уровня с киберлафингом ($p \leq 0,0001$; $\chi^2_{\text{эмп}} = 42,48$; ст.св.=2). Можно говорить о том, что среди молодежи более развиты навыки интернет-коммуникаций (которые, предположительно, отличаются студентов от школьников) приводят к их более интенсивному использованию. С другой стороны, возможно, что большая свобода в использовании индивидуальных устройств для доступа в сеть Интернет, которая характерна для студентов, приводит к более частому отвлечению на интернет во время учебных занятий.

Обнаруженные различия в уровне киберлафинга у школьников разного пола ($p \leq 0,01$; $\chi^2_{\text{эмп}} = 10,85$; ст.св.=2) могут быть объяснены социальными и культурными стереотипами (девочки более подвержены социальному давлению, они более склонны следовать правилам и нормам; мальчики чаще нарушают школьные нормы и правила, более ориентированы на использование интернет-технологий), которые влияют на поведение в интернет-пространстве. Для студентов значимым фактором, определяющим уровень киберлафинга, выступает запрет на использование телефонов в учебной среде ($p \leq 0,01$; $\chi^2_{\text{эмп}} = 42,48$; ст.св.=2). Возможно, это связано с тем, что в вузах гораздо меньше контроля за использованием во время занятий личных гаджетов. Поэтому, если преподаватели или вуз в целом вводит требование на отказ от использования гаджетов во время урока, это приводит к снижению уровня киберлафинга.

Исследование структуры кибербуллинга показало, что в роли жертвы в кибербуллинг вовлечены около 22% участников исследования, что в целом совпадает с данными по

российским школьникам, представленными в 2018 году [2], и школьникам/студентам из других стран [11; 12; 14; 17]. Это означает, что более чем каждый пятый человек подвергается онлайн-травле, унижениям и угрозам в интернете. Полученные данные свидетельствуют о том, что проблема кибербуллинга довольно распространена и требует серьезного внимания и мер по предотвращению и борьбе с ней. Важно обращать внимание на защиту своей онлайн-безопасности и поддерживать тех, кто сталкивается с кибербуллингом. Жертвы кибербуллинга могут столкнуться с серьезными психологическими последствиями. У них могут возникнуть эмоциональные проблемы: чувство изоляции, беспомощность, тревога, депрессия и низкая самооценка. Они могут избегать социальных ситуаций, иметь проблемы с концентрацией внимания и испытывать трудности в построении отношений. Кибербуллинг может подорвать чувство собственного достоинства жертвы, заставив ее сомневаться в своей ценности и способностях. В некоторых случаях кибербуллинг может привести к физическим проблемам, таким как нарушения сна, головные боли и проблемы с пищеварением. Длительная систематическая травля в Сети может привести к попытке суицида.

Учитывая серьезные психологические последствия кибербуллинга, важно предпринимать шаги для его предотвращения. В качестве таких шагов можно предложить: просвещение о кибербуллинге и его последствиях, разработку стратегий профилактики кибербуллинга в школах и других учреждениях, поддержку жертв кибербуллинга, включая психологическую помощь.

Исследователи отмечают, что учащиеся склонны проявлять киберагрессию в наименьшей степени по сравнению с другими формами буллинга (социальный, физический, вербальный) [2]. Однако данные о различиях, связанных с полом, в разных исследованиях отличаются. Мы установили, что мальчики чаще становятся свидетелями кибербуллинга, чем девочки. А в исследо-

вании коллег различия касались вовлеченности в кибербуллинг в роли агрессора. Эти противоречия могут быть связаны с разницей в выборках. Мы изучали школьников и студентов, коллеги — только школьников.

Кроме того, результаты ранее проведенных исследований кибербуллинга не позволяют однозначно оценить половые различия. Одни авторы говорят о том, что участие в кибербуллинге более характерно для мальчиков, другие говорят, что оно не зависит от пола [16]. Следует отметить, что в зарубежных исследованиях неоправданно мало внимания уделяется вовлеченности детей в кибербуллинг в роли свидетеля, хоть и признается, что кибербуллинг часто происходит в групповых ситуациях, и поэтому то, как молодые люди реагируют, когда они становятся свидетелями кибертравли, важно для процесса борьбы с этой проблемой [19]. Не соответствия в разных исследованиях подчеркивают сложность понимания гендерных различий в кибербуллинге. Такие факторы, как возраст, культура и социальный контекст, могут влиять на эти различия.

Интерпретировать установленные нами различия можно с точки зрения особенностей гендерной социализации. Традиционно мальчики социализируются как более агрессивные и доминантные, что может объяснять их более высокую вероятность быть свидетелями кибербуллинга. Они могут быть более склонны к наблюдению за агрессивным поведением в интернете, поскольку это соответствует их гендерной роли. Напротив, девочки социализируются как более сострадательные и заботливые, что может снижать их вероятность стать свидетелями кибербуллинга. Они не ищут в интернет-пространстве ситуаций, связанных с агрессией, и неосознанно их избегают.

С точки зрения различий социальных норм в отношении мальчиков и девочек можно предположить, что мальчики могут испытывать социальное давление со стороны сверстников, чтобы продемонстрировать мужественность. Это может приводить к тому, что, даже будучи свидетелями кибер-

буллинга, мальчики не стремятся его остановить. Девочки, с другой стороны, стремясь соответствовать нормам сочувствия и поддержки, будут стараться предотвратить кибербуллинг или сообщить о нем.

Обнаруженные в ходе исследования корреляции между отдельными компонентами ролевой структуры кибербуллинга и видами киберлафинга практически совпадают. Исключение составила только связь между вовлеченностью в кибербуллинг в роли свидетеля и игровым киберлафингом. Данный факт можно интерпретировать скорее как отсутствие связи между структурой кибербуллинга и отдельными видами киберлафинга. Вместе с тем следует учитывать, что ролевая структура кибербуллинга предполагает переход от одной роли к другой. Т.е. один и тот же обучающийся в одной ситуации может быть агрессором, в другой — жертвой, а в третьей — свидетелем. При этом уровень его киберлафинга будет оставаться неизменным. Это могло оказать существенное влияние на полученный результат. Однако для того, чтобы выделить группу тех, кто является только кибербуллером или только жертвой, или только свидетелем, необходимо значительно увеличить выборку исследования. В нашем исследовании количество жертв, которые не были бы свидетелями кибербуллинга и кибербуллерами, оказалось всего 28 (8,8%) человек. Число «чистых» агрессоров оказалось еще меньше — 12 человек (3,8%). Свидетелей кибербуллинга, которые бы не являлись одновременно ни агрессорами, ни жертвами в исследуемой выборке не оказалось вообще. В дальнейшем мы планируем увеличить объем выборки, но это не гарантирует нам увеличение числа респондентов, выступающих в ситуации кибербуллинга в одной роли.

Связь между вовлеченностью в кибербуллинг в роли жертвы или свидетеля и использованием гаджетов во время учебных занятий для совершения покупок можно интерпретировать как попытку компенсировать негативные переживания через потребление товаров или услуг. Связь между во-

влеченностью в кибербуллинг в роли жертвы или свидетеля и онлайн-общением во время учебных занятий можно объяснить тем, что жертвы или свидетели кибербуллинга могут продолжать активно общаться в интернете (т.к. общение остается для них важным элементом социализации), но при этом выбирать менее опасные для себя платформы, такие как мессенджеры или форумы. Эти каналы позволяют им поддерживать связь с друзьями и получать поддержку без риска столкнуться с агрессивными комментариями или действиями. Связь между вовлеченностью в кибербуллинг в роли жертвы или свидетеля и потреблением интернет-контента на учебных занятиях может отражать стремление жертв кибербуллинга отвлечься от негативных мыслей, «уйти» от неприятной реальности и переживаний. Связь между вовлеченностью в кибербуллинг в роли свидетеля и уровнем игрового киберлафинга также может быть вариантом «ухода» от неприятной реальности. Предлагаемые интерпретации основаны на предположениях о психологических реакциях людей на стрессовые ситуации, связанные с кибербуллингом. Важно отметить, что каждая ситуация индивидуальна, и конкретные причины использования гаджетов могут различаться у разных школьников и студентов.

Связь между вовлеченностью в кибербуллинг в роли агрессора и использованием гаджетов для покупок в Сети, а также потреблением интернет-контента во время занятий можно объяснить тем, что кибербуллеры в целом являются активными пользователями Сети. Социальные сети остаются важным каналом для проявления их агрессии, и, естественно, они будут общаться в Сети даже во время учебных занятий. Это объясняет связь вовлеченности в кибербуллинг в роли агрессора и использования на уроке гаджетов для общения в том числе и в социальных сетях.

В целом можно говорить, что все участники кибербуллинга являются пользователями интернета. Они используют его и во время учебных занятий для решения личных (не связанных с учебной) задач. Это вполне

ожидаемо, если говорить о кибербуллинге как групповом явлении. Однако можно предположить, что киберлафинг для разных участников кибербуллинга может выполнять разные функции.

В исследовании была обнаружена слабая корреляция между академическим киберлафингом и кибербуллингом. Нам не удалось найти других исследований, которые бы рассматривали взаимосвязь кибербуллинга и киберлафинга. Поэтому на данном этапе не представляется возможным сравнение полученных нами результатов с уже имеющимися. Однако полученные нами данные согласуются с тем, что бесконтрольное медиапотребление в подростковом возрасте приводит к росту агрессии [6]. Также полученные данные отчасти подтверждают модель, предложенную Ф. Джабин, А. Тандон и др., согласно которой ситуация скуки на уроке могут приводить к поведенческому ответу в форме киберлафинга, который в свою очередь приводит к риску роста вовлеченности в кибербуллинг. Следует отметить, что использование корреляционного анализа не позволяет говорить о причинно-следственных связях между изучаемыми явлениями. Поэтому данный вопрос (что именно является причиной, а что — следствием) требует дальнейшего изучения.

Возможно, слабая корреляция между киберлафингом и кибербуллингом обусловлена наличием третьей переменной, которая влияет на уровень киберлафинга и кибербуллинга. Это может быть, например, интернет-зависимость. Использование гаджетов на уроке может быть проявлением интернет-зависимости (человек просто не может отказаться от смартфона, чувствует себя без него неполноценным). В то же время стремление быть в Сети постоянно (беспрерывно) повышает риски столкновения с кибербуллингом. Возможно, что общим фактором, влияющим на кибербуллинг и киберлафинг, является время, которое человек проводит в Сети. Чем оно больше, тем и уровень деструктивного киберповедения будет выше. Представленное исследование не позволяет ответить, ка-

кое из данных предположений будет верным или оба они ошибочны. Однако проверка этих гипотез может стать логическим продолжением данного исследования.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

— у учащихся преобладающими являются такие формы киберлаффинга как потребление интернет-контента ($M=2,0$), социальных сетей ($M=1,8$) и общение ($M=1,9$). Реже всего среди них встречается игровой киберлаффинг ($M=1,7$) и интернет-покупки ($M=1,7$). На уровень киберлаффинга в первую очередь оказывает влияние степень образования ($p \leq 0,0001$; $\chi^2_{\text{эмп}}=42,48$; ст.св.=2). Для школьников фактором второго порядка, влияющим на уровень киберлаффинга, является пол ($p \leq 0,01$; $\chi^2_{\text{эмп}}=10,85$; ст.св.=2), а для студентов — запрет на использование телефонов в учебном заведении ($p \leq 0,01$; $\chi^2_{\text{эмп}}=42,48$; ст.св.=2). Гипотеза о том, что уровень киберлаффинга зависит от пола, уровня обучения и запрета на использование телефонов в образовательном учреждении, подтвердилась;

— уровень вовлеченности участников исследования в кибербуллинг оказался низким (около 22%). При этом различия, связанные с полом, обнаружены только в отношении вовлеченности в кибербуллинг в роли свидетеля ($U=12888$; $p=0,013$). Гипотеза о том, что вовлеченность в кибербуллинг зависит от пола, подтвердилась частично, а о том, что вовлеченность в кибербуллинг зависит от уровня обучения, не подтвердилась.

— структура кибербуллинга взаимосвязана со структурой киберлаффинга. В частности, вовлеченность в кибербуллинг в роли жертвы связана с такими формами киберлаффинга как интернет-покупки ($r=0,21$; $p=0,05$), посещение социальных сетей ($r=0,18$; $p=0,05$), общение в сети ($r=0,19$; $p=0,05$), потребление интернет-контента ($r=0,21$; $p=0,05$), вовлеченность в роли агрессора — посещение социальных сетей ($r=0,18$; $p=0,05$), общение в Сети ($r=0,22$; $p=0,05$), интернет-покупки ($r=0,21$; $p=0,05$), потребление

интернет-контента ($r=0,21$; $p=0,05$); вовлеченность в роли свидетеля — посещение социальных сетей ($r=0,19$; $p=0,05$), общение в Сети ($r=0,2$; $p=0,05$), интернет-покупки ($r=0,15$; $p=0,05$), потребление интернет-контента ($r=0,2$; $p=0,05$). Гипотеза о том, что между вовлеченностью в кибербуллинг и уровнем киберлаффинга существует взаимосвязь, подтвердилась.

Поставленная цель исследования была достигнута: выявлены взаимосвязи киберлаффинга и кибербуллинга. Представленная работа дополняет существующие данные о новых формах девиантного поведения, связанного с использованием виртуального пространства. В частности, о распространенности киберлаффинга и кибербуллинга среди российских школьников и студентов.

Основываясь на теории кибербуллинга как феномена группового действия и представлениях, отраженных в модели использования социальных сетей СОПД, удалось объяснить обнаруженные связи киберлаффинга и кибербуллинга. Данные теоретические основания указывают на то, что в отношении киберлаффинга и кибербуллинга, исходным стимулом может являться не только чувство одиночества/потребность в общении, но и скука/поиск развлечений. Этим можно объяснить наличие между ними связи.

Представленное исследование в силу использования перекрестных данных исключает возможность обнаружения причинно-следственных связей между явлениями. Об этом можно судить только исходя из теоретических концепций киберлаффинга и кибербуллинга, которые имеют свои ограничения, в том числе и в методологии исследования. Дополнительные ограничения связаны с использованием исключительно количественной стратегии сбора и анализа данных, которые усугубляются относительно небольшим объемом выборки. Чтобы максимально снизить негативные эффекты, мы уделили особое внимание подбору корректных методов обработки данных.

Использование самоотчетных методов, особенно в отношении девиантного пове-

дения, может быть искажено в результате действия фактора социальной желательности, что снижает достоверность текущего исследования.

Ограниченным в данном исследовании является и набор исследуемых факторов: образование, пол и запрет на использование смартфонов. В то же время следует понимать, что существуют другие потенциально значимые факторы, влияющие на исследуемые переменные, например, социально-экономический статус, психологическое состояние, контроль со стороны родителей и учителей.

Дальнейшие исследования проблемы следует посвятить изучению других возрастных

и пространственных (город/село) контекстов и с другими показателями структур киберлафинга и кибербуллинга. В связи с этим будет полезно увеличить выборку и географию исследования. Ценным будет использование качественных методов сбора данных об изучаемых явлениях с целью более глубоко проникновения и понимания природы изучаемых явлений. Примером расширения числа переменных при организации дальнейших исследований может выступать включение в исследование поведения преподавателя как участника образовательной системы и как фактора, оказывающего влияние на поведение детей на учебных занятиях.

Литература

1. Лукичева Е.А., Кононенко О.О., Сиврикова Н.В. Киберлафинг: понятие и виды // Материалы Международной научно-практической конференции: «Научно-методическое обеспечение проактивной подготовки будущего педагога к конструированию и развитию воспитательных систем». Челябинск: Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2023. С. 123—127.
2. Новикова М.А., Реан А.А., Коновалов И.А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62—90.
3. Приходько А.А., Суворова И.Ю. Школьный буллинг: системность и противодействие // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 4. С. 136—144. DOI:10.17759/jmfr.2022110412
4. Путинцева А.В. Развитие феномена кибербуллинга: анализ подходов к определению // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3(89). С. 51—57.
5. Сиврикова Н.В. Киберлафинг в академической среде: девиация или особенность нового поколения // Материалы Второй Международной научно-практической конференции «Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии» (г. Ялта). Ялта: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 498—503.
6. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г. Девиантное поведение в современном мире: в фокусе внимания медиапотребление. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2024. 204 с.
7. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебейнос А.Е. Смартфон на парте: исследование особенностей киберлафинга у школьников и студентов //

- Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 4. С. 52—62. DOI:10.17759/pse.2023280403
8. Сиврикова Н.В., Пташко Т.Г., Перебейнос А.Е. Структура киберлафинга и кибербуллинга. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024625767 Российская Федерация: № 2024625301; заявл. 14.11.2024; опубл. 05.12.2024; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=76384085>
 9. Сиврикова Н.В., Ярославова Г.Ю., Харланова Е.М., Дядык Н.Г. Девиантное поведение в современном мире: в фокусе внимания буллинг. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2023. 177 с.
 10. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Калинина К.Р. Психологические особенности участников ситуации кибербуллинга: анализ ролевого онлайн-поведения // Познание и переживание. 2022. Т. 3. № 1. С. 46—71. DOI:10.51217/cogexp_2022_03_01_03
 11. Bussua A., Pulina M., Sally-Ann Ashton S.-A., Mangiarulo M. Exploring the impact of cyberbullying and cyberstalking on victims' behavioural changes in higher education during COVID-19 // A case study International Journal of Law, Crime and Justice. 2023. Vol. 75. P. 100628. DOI:10.1016/j.ijlcj.2023.100628
 12. Escario J., Giménez-Nadal I., Wilkinson Anna V. Predictors of adolescent truancy: The importance of cyberbullying, peer behavior, and parenting style // Children and Youth Services Review. 2022. Vol. 143. P. 106692. DOI:10.1016/j.childyouth.2022.106692
 13. Jabeen F., Tandon A., Azad N., Islam A.K.M.N., Pereira V. The dark side of social media platforms: A situation-organism-behaviour-consequence

approach // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. Vol. 186. Part A. e-122104. DOI:10.1016/j.techfore.2022.122104

14. Kim J.H., Song H.Y., Jung G.H. Relationship between positive parenting and cyberbullying perpetration among adolescents: role of self-esteem and smartphone addiction // *Front. Psychol.* 2024. № 14. P. 1252424. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1252424

15. Lizarte Simón E.J., Khaled Gijón M., GalvánMalagón M.C., Gijón Puerta J. Challenge-obstacle stressors and cyberloafing among higher vocational education students: the moderating role of smartphone addiction and Maladaptive // *Frontiers in Psychology*. 2024. № 15. P. 1358634. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1358634

16. Marinoni C., Zanetti M.A., Simona C.S., Sex C. Differences in cyberbullying behavior and victimization and perceived parental control before and during the COVID-19 pandemic // *Social Sciences & Humanities Open*. 2023. Vol. 8. Issue 1. P. 100731 DOI:10.1016/j.ssaho.2023.100731

17. Martínez-Monteagudo A., Martínez-Monteagudo M., Delgado B. School bullying and cyberbullying in academically gifted students: A systematic review // *Aggression and Violent Behavior*. 2023. Vol. 71. P. 101842. DOI:10.1016/j.avb.2023.101842

References

1. Lukicheva E.A., Kononenko O.O., Sivrikova N.V. Kiberlafing ponyatie i vidi. Materiali Mejdunarodnoi nauchno_prakticheskoi konferencii «Nauchno_metodicheskoe obespechenie proaktivnoi podgotovki buduschego pedagoga k konstruirovaniyu i razvitiyu vospitatel'nyh sistem» [Cyberlife concept and types. Materials of the International Scientific and Practical Conference: "Scientific and methodological support for the proactive preparation of a future teacher for the design and development of educational systems" (Chelyabinsk)]. Chelyabinsk: Publishing house of ZAO "Library of A. Miller", 2023, pp. 123—127. (In Russ.).

2. Novikova M.A., Rean A.A., Konovalov I.A. Bulling v rossijskikh shkolah opit diagnostiki rasprostranennosti polovozrastnyh osobennostei i svyazi so shkolnim klimatom [Bullying in Russian schools: experience in diagnosing prevalence, gender and age characteristics and connections with school climate]. *Voprosi obrazovaniya = Education issues*, 2021, no. 3, pp. 62—90. (In Russ.).

3. Prikhodko A.A., Suvorova I.Yu. Shkolnii bulling sistemnost i protivodeistvie [School bullying: systematicity and counteraction]. *Sovremennaya zarubejnaya psihologiya = Modern foreign psychology*, 2022. Vol. 11, no. 4, pp. 136—144. DOI:10.17759/jmfp.2022110412 (In Russ.).

18. Nawaz S. Rethinking classifications and metrics for problematic smartphone use and dependence: Addressing the call for reassessment // *Computers in Human Behavior Reports*. 2023. Vol. 12. DOI:10.1016/j.chbr.2023.100327

19. Pepler D., Mishna F., Doucet J., Lameiro M. Witnesses in cyberbullying: Roles and dilemmas // *Children and Schools*. 2021. Vol. 43(1). P. 45—53. DOI:10.1093/cs/cdaa027

20. Reizer A., Galperin L., Chavan M., Behl A., Pereira V. Examining the relationship between fear of COVID-19, intolerance for uncertainty, and cyberloafing: A mediational model // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 145. P. 660—670. DOI:10.1016/j.jbusres.2022.03.037

21. Saritepeci M. Predictors of cyberloafing among high school students: unauthorized access to school network, metacognitive awareness and smartphone addiction // *Education and Information Technologies*. 2020. № 3(25). P. 2201—2219. DOI:10.1007/s10639-019-10042-0

22. Tsai Hung-Yu. Do you feel like being proactive day? How Daily Cyberloafing Influences Creativity and Proactive Behavior: The Moderating Roles of Work Environment // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 138. P. 107470. DOI:10.1016/j.chb.2022.107470

4. Putintseva A.V. Razvitie fenomena kiberbullinga analiz podhodov k opredeleniyu [Development of the phenomenon of cyberbullying: analysis of approaches to definition]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3(89), pp. 51—57.

5. Sivrikova N.V. Kiberlafing v akademicheskoi srede deviaciia ili osobennost novogo pokoleniya. Materiali Vtoroi Mejdunarodnoi nauchno_prakticheskoi konferencii «Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i molodeji-regionalnie modeli i tehnologii» [Cyberlaughing in an academic environment: deviation or feature of the new generation. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference "Prevention of Deviant Behavior in Children and Youth: Regional Models and Technologies"]. Yalta: IT "ARIAL", 2020, pp. 498—503.

6. Sivrikova N.V., Ptashko T.G. *Deviantnoe povedenie v sovremennom mire v fokuse vnimaniya mediapotreblenie* [Deviant behavior in the modern world: focus on media consumption: monograph]. Chelyabinsk: Publishing house of YuURGPU, 2024. 204 p.

7. Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Perebeinos A.E. Smartfon na parte issledovanie osobennostei kiberlafinga u shkolnikov i studentov [Smartphone

on the desk: a study of the characteristics of cyberloafing among schoolchildren and students]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2023. Vol. 28, no. 4, pp. 52—62. (In Russ.).

8. Sivrikova N.V., Ptashko T.G., Perebeinos A.E. Структура киберлафинга и кибербуллинга [Cyberloafing and cyberbullying structure]. Certificate of state registration of database No. 2024625767 Russian Federation: No. 2024625301; application 14.11.2024; publ. 05.12.2024; applicant Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "South Ural State Humanitarian and Pedagogical University". URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=76384085>

9. Sivrikova N.V., Yaroslavova G.Yu., Kharlanova E.M., Dyadyk N.G. Deviantnoe povedenie v sovremennom mire v fokuse vnimaniya bullying [Deviant behavior in the modern world: the focus is on bullying]. Chelyabinsk: Publishing house of YuURGPU, 2023. 177 p. (In Russ.).

10. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Kalinina K.R. Psihologicheskie osobennosti uchastnikov situacii kiberbullinga analiz rolevogo onlain_povedeniya [Psychological characteristics of participants in a cyberbullying situation: analysis of online role behavior]. *Poznanie i perejivanie = Cognition and experience*, 2022. Vol. 3, no. 1, pp. 46—71. (In Russ.).

11. Bussua A., Pulina M., Sally-Ann Ashton S.-A., Mangiarulo M. Exploring the impact of cyberbullying and cyberstalking on victims' behavioural changes in higher education during COVID-19. *A case study International Journal of Law, Crime and Justice*, 2023. Vol. 75, pp. 100628. DOI:10.1016/j.ijlcrj.2023.100628

12. Escario J., Giménez-Nadal I., Wilkinson Anna V. Predictors of adolescent truancy: The importance of cyberbullying, peer behavior, and parenting style. *Children and Youth Services Review*, 2022. Vol. 143, pp.106692. DOI:10.1016/j.childyouth.2022.106692 DOI:<https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2022.106692>

13. Jabeen F., Tandon A., Azad N., Islam A.K.M.N., Pereira V. The dark side of social media platforms: A situation-organism-behaviour-consequence approach. *Technological Forecasting and Social Change*, 2023. Vol. 186. Part A. e-122104.

14. Kim J.H., Song H.Y., Jung G.H. Relationship between positive parenting and cyberbullying perpetration among adolescents: role of self-

esteem and smartphone addiction. *Front. Psychol.*, 2024, no. 14, pp. 1252424. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1252424

15. Lizarte Simón E.J., Khaled Gijón M., GalvánMalagón M.C., Gijón Puerta J. Challenge-obstacle stressors and cyberloafing among higher vocational education students: the moderating role of smartphone addiction and Maladaptive. *Frontiers in Psychology*, 2024, no. 15, pp. 1358634. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1358634

16. Marinoni C., Zanetti M.A., Simon C.S., Sex C. differences in cyberbullying behavior and victimization and perceived parental control before and during the COVID-19 pandemic. *Social Sciences & Humanities Open*, 2023. Vol. 8. Issue 1, pp. 100731 DOI:10.1016/j.ssaoh.2023.100731

17. Martínez-Monteaigudo A., Mart nez-Monteaigudo M., Delgado B. School bullying and cyberbullying in academically gifted students: A systematic review. *Aggression and Violent Behavior*, 2023. Vol. 71, pp. 101842. DOI:10.1016/j.avb.2023.101842 <https://doi.org/10.1016/j.avb.2023.101842>

18. Nawaz S. Rethinking classifications and metrics for problematic smartphone use and dependence: Addressing the call for reassessment. *Computers in Human Behavior Reports*, 2023. Vol. 12. DOI:10.1016/j.chbr.2023.100327

19. Pepler D., Mishna F., Doucet J., Lameiro M. Witnesses in cyberbullying: Roles and dilemmas. *Children and Schools*, 2021. Vol. 43(1), pp. 45—53.

20. Reizer A., Galperin B.L., Chavan M., Behl A., Pereira V. Examining the relationship between fear of COVID-19, intolerance for uncertainty, and cyberloafing: A mediational model. *Journal of Business Research*, 2022. Vol. 145, pp. 660—670. DOI:10.1016/j.jbusres.2022.03.037

21. Saritepeci M. Predictors of cyberloafing among high school students: unauthorized access to school network, metacognitive awareness and smartphone addiction. *Education and Information Technologies*, 2020, no. 3(25), pp. 2201—2219.

22. Tsai Hung-Yu. Do you feel like being proactive day? How Daily Cyberloafing Influences Creativity and Proactive Behavior: The Moderating Roles of Work Environment. *Computers in Human Behavior*, 2023. Vol. 138, pp. 107470. DOI:10.1016/j.chb.2022.107470 <https://doi.org/10.1016/j.chb.2022.107470>

Информация об авторах

Сиврикова Надежда Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: Bobronv@cspu.ru

Пташко Татьяна Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0235-4190>, e-mail: ptashko75@mail.ru

Перебейнос Артем Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ), г. Челябинск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3269-0440>, e-mail: perebeinosae@cspu.ru

Information about the authors

Nadezhda V. Sivrikova, PhD in Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9757-8113>, e-mail: Bobronv@cspu.ru

Tatyana G. Ptashko, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0235-4190>, e-mail: ptashko75@mail.ru

Artem E. Perebeinos, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3269-0440>, e-mail: perebeinosae@cspu.ru

Получена 18.05.2024

Received 18.05.2024

Принята в печать 28.02.2025

Accepted 28.02.2025